

Александр Дроздов: «Палачи, которые творили террор, были одновременно жертвами режима»

(продолжение, начало на стр. 1)

— **Насколько справедливым было то, что жертвы репрессий были названы, а палачи ушли от наказания?**

— Нельзя умалять того, что было сделано Хрущевым на XX съезде КПСС, хотя начатое важнейшее дело осталось незавершенным. Но и этого оказалось достаточно, чтобы партия спустя годы взяла реванш над очередным оболганным ею «кукурузником», своим же собственным лидером.

Неожиданный поступок Хрущева радикально повлиял на мировое коммунистическое движение, моментально поляризовались его полюса. «Китайские ревизионисты», так же как и «советские отступники от единственно верного учения», поздние и уже бесполезные споры с «еврокоммунистами», — это все отсюда, из 1956 года. В том, что Хрущев не пошел дальше, я вижу его попытку вывести, как ему казалось, здоровую номенклатуру из-под удара. Ну, и Борис Николаевич вполне по-христиански поступил с партаппаратом.

Хрущев определил главных виновников репрессий в лице Сталина, клики Берия, «кровавых чекистов». Предъявить полный счет он, конечно, побоялся. Хватило того, что он лишил партийную номенклатуру партминимума, то есть денежного довольствия, которое раздавалось в конвертах помимо зарплаты. Она ему и этого не простила.

А при Брежневе вообще начался такой «ползучий Ренессанс», когда страна задышала уже неосталинизмом. Даже я, несмотря на свой возраст, какие-то проявления улавливал тогда. Вот, помню, в кино люди вдруг вставали в зале, когда на экране появлялся Сталин, и начинали аплодировать. Все это казалось довольно странным после официально осужденного культа личности. Или в студенчестве была у меня случайная встреча со «сталинистом», у которого на квартире все было завешано портретами Сталина. Были даже иконы с ликом вождя. И все это втайне...

Эта половинчатость, свойственная русскому характеру, и проявилась в подходе к эпохе сталинизма, к жертвам и палачам. С одной стороны, не до конца реабилитировали тех, кто был незаконно репрессирован, с другой, по-прежнему поклоняемся тем, кто вершил кровавые расправы над собственным народом.

— **Именно потому, что в сталинский террор был вовлечен весь советский народ, трудно определить степень вины каждого. То есть, получается, виноваты все?**

— Да, хотя, на мой взгляд, и те, и другие были жертвами. Палачи, которые творили террор, одновременно стали позже жертвами режима. Я бы предложил молиться за них за всех. Но нельзя простить режим, нельзя простить ПАРТИЮ за чудовищные истребительные

технологии и практики.

Да, Советский Союз в Великой Отечественной войне спас Европу от фашизма, но свой народ от сталинского террора не уберег. В этом и есть самая большая вина Системы. Поэтому, наверное, неслучайно в начале войны в плену у немецкой армии оказались несколько миллионов советских людей, которых Сталин с ходу и без разбору записал в предатели Родины. То есть поставил знак равенства между своим режимом и Отечеством.

— **Можно ли в таком случае говорить о божьем суде? Каждому воздастся по своему деянию?**

— Влияние церкви на отношение людей к сталинским репрессиям заметно растет. Патриарх Кирилл был, как всегда, выдержан в своих высказываниях относительно сталинского периода, но, тем не менее, четко и ясно дал ему негативную оценку. Владыка Илларион сделал это более жестко, говоря, что все испытания в войне были отпущены нам за грехи наши во времена сталинского режима.

— **Да, но спасет ли нас всеобщее покаяние?**

— Меня стал раздражать этот почти уже штамп, его бездумное повторение. Ни у кого не хватает мужества признаться в прошлых ошибках.

Страна, конечно, устала здорово и запуталась. Покаяние, конечно же, должно состояться, но я не вижу пока, в какой форме это мо-

ФОТО: УЛЬЯНА КИМ/ВЕЛИКАЯ ЭПОХА

Александр Дроздов, исполнительный директор Фонда Ельцина

жет быть. И кто-то должен подать пример. КТО?

Стоит задуматься о пророчестве Максимилиана Волошина. В 1918 году он написал о том, что «с Россией кончено...» и предъявил в своем стихотворении «Мир» обвинение русским в том, что «...и Родину народ сам вытащил на гноище как падаль».

А вот последние строчки этого стихотворения:

*«О господи, разверзни, расточи!
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с Запада, монгол с Востока,
отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтобы искупить смиренно
и глубоко
Иудин грех до страшного суда!»*

Ульяна КИМ

Из воспоминаний

Это было так давно, что маленькие детали этого происшествия безвозвратно выпали из моей теперь слабеющей памяти, но главное я помню...

В одном из подразделений сибирских лагерей шла уборка хлеба. Заключение женщины работали бригадами, составленными исключительно из осужденных по 58-й статье. На работу обычно уводили рано и приводили назад почти ночью. Очень много времени уходило на подъем и сборы. Выстраивались шеренгами по 5 человек, и малограмотный надзиратель, сдавая бригаду конвоирам, монотонно считал:

— Перва, друга, третья...

Случалось, что на дощечке надзирателя не сходились числа считаемых фигурок, тогда все начиналось сначала:

— Перва, друга, третья...

Идти было далеко, иногда километров за двадцать, так что, придя на место, мы бывали такими обессиленными, что начинать работать было тяжело...

Мы таскали снопы пшеницы и складывали их в штабеля, которые вырастали до высоты двух-трех этажей...

Руки, ноги — все оказывается исцарапано! Колоски своими усиками забираются за ворот, и кусают, и жалят, ну просто мочи нет!.. А бригадирша все подгоняет — скорей, скорей! И каждое слово матом пересыпает, ибо без мата — какой же бригадир! ...

Вот, наконец, полдень. Обедать пора! Но не есть хочется, а только пить. Всем — только пить! Ждем: должны при-

вести на лошади бочки с баландой и питьевую воду. Но — нету никого. Ждем час, два — никого. Нас забыли, нас просто забыли! ...

Но с нами была еще лошадь, жеребенок которой остался в конюшне, взаперти, километрах в трех... Кобыла периодически поднимает голову, вытягивает шею и долго, протяжно ржет, глядя вдаль.

А ведь кобыла-то тяжело страдает, — мелькнуло у меня в голове. Молоко в ее вымени прибывает и прибывает, а жеребенка нет. Зачем его не взяли вместе с матерью? А впрочем, в лагере все делалось вопреки здравому смыслу.

Я встала с межи и направилась к лошади.

— Вернись, что ты делаешь? Она убьет тебя!

— Думаете, она дурнее вас? Ничего не понимает? Не чувствует? А ну-ка, киньте мне ведро!

— Не давайте ей ведра! Кобылу никогда не доили, она убьет ее!

Я протянула руку и довольно робко прикоснулась к крупу лошади. Задние копыта величиной с миску для баланды топтали и рыхлили землю. Я перестала слышать крики, уговоры позади себя. Я понимала одно: мне надо слиться с лошадью, стать с нею одним организмом, чтобы желать одного и того же — облегчения. Я гладила ее по спине и брюху:

— Ну, потерпи еще немного, ведь ты такая умная и все понимаешь. Ты не ударишь меня, да?

Так я приговаривала, сама тянулась к ее вымени. Тихонько я взяла в горсть один сосок и потянула. Молоко брызнуло сильной упругой струей прямо в землю. А я думала: если она сейчас даст мне копытом, то снесет полголовы. Э-э, нет! Мое чутье не обмануло меня: лошадь инстинктивно поняла мое доброе намерение, да и выбора у нее не было иного, как подчиниться моей воле. Я подхватила ведро, зажала его коленями и принялась неуме-

Кобыла периодически поднимает голову, вытягивает шею и долго, протяжно ржет, глядя вдаль

ло и неритмично тянуть за соски. Молоко зазвенело по стенкам ведра. А лошадь, милая лошадь стояла, не шелохнувшись, и даже присела на задние ноги, чтобы облегчить доение. Покрывшись от напряжения потом, я даже не замечала, что плачу от волнения и радости...

Я надоила целое ведро молока, такого необходимого нам и бесценного. Полное ведро! Разливая его по кружкам моих работяжек, я говорила:

— Лошадь, она тоже человек! Все мы немножко лошади. Это гражданин начальник непременно снес бы мне голову, а лошадь все понимает. Пейте на здоровье, женщины!..

Конвоира мы тоже угостили.

Герге ГЕНИШЕР

Печатается в сокращении

Из сборника воспоминаний о годах репрессий (4-й выпуск)